

Некрологъ: о. М. Я. Морошкинъ. Въ послѣднихъ числахъ марта пишущій эти строки зашелъ къ о. М. Я. Морошкину — и съ величайшимъ удивленіемъ и горемъ узналъ, что почтенный священникъ лежитъ на одрѣ тяжелой и неизлѣчимой болѣзни. Эта вѣсть была тѣмъ болѣе грустна, чѣмъ менѣе я къ тому былъ подготовленъ: еще такъ недавно о. Михаилъ былъ у меня, такъ недавно и съ такимъ теплымъ сочувствіемъ говорилъ о „Русской Старинѣ“ и столь искренно общалъ намъ самое дѣятельное и постоянное въ ней участіе. Какъ бы то ни было, но пишущаго эти строки уже не допустили до больного.

На другой же день я получилъ слѣдующую записку:

„Любезнѣйшій Михаилъ Ивановичъ! Крайне жалѣю, что визитъ вашъ ко мнѣ былъ такъ неудаченъ; впрочемъ, тутъ нѣтъ вины ни моей, ни вашей. Я уже нѣсколько недѣль лежу прикованный тяжелою болѣзнію къ постели. Докторъ запретилъ мнѣ строго настрого всякій разговоръ — да я и не могу говорить, — а слѣдовательно и всякій пріемъ кого бы то ни было. Дайте мнѣ какъ-нибудь собраться съ силами, — и тогда я весь къ вашимъ услугамъ. Искренно любящій Васъ. М. Морошкинъ. Марта 30 дня 1870 года“.

Прошло еще дня два. Рано утромъ къ подъѣзду моей квартиры подъѣхала карета. Извозчикъ вошелъ въ квартиру и сообщилъ, что меня проситъ выйти на подъѣздъ больной, который не можетъ подняться по лѣстницѣ.

Я выбѣжалъ на подъѣздъ и каково же было мое удивленіе, когда увидалъ въ каретѣ блѣднаго, еле-дышащаго о. М. Я. Морошкина.

— Ну вотъ, я самъ заѣхалъ къ вамъ... пусть докторъ сердится... мнѣ хотѣлось лично вамъ передать нѣкоторые матеріалы для „Русской Старины“... говорилъ о. М. Я. еле слышнымъ, прерывающимся голосомъ: пожалуйста извините меня... говорить не могу... воздуху.. воздуху мнѣ недостааетъ... все-таки чувствую себя гораздо лучше, противу прежняго.... дайте мнѣ оправиться.... я оправлюсь скоро, на дняхъ, и.... считайте меня ужъ тогда постояннымъ.... владчикомъ въ „Русскую Старину“... Я буду у васъ тотчасъ, какъ оправлюсь“.

Ровно черезъ двѣ недѣли — въ шесть часовъ утра, 15 апрѣля, — Михаила Яковлевича Морошкина не стало.

Сомнитесь и безъ того довольно рѣдкіе ряды русскихъ труженниковъ въ области науки: еще одинъ честный, неутомимый, высокопросвѣщенный дѣятель выбылъ изъ вашего строя!

Жизнь о. Михаила Яковлевича — крайне не сложна и небогата фактами. Уроженецъ тверской губерніи, бѣжецкаго уѣзда, Морошкинъ родился въ 1820-мъ году и былъ сыномъ небогатаго, но чест-

наго и прекраснаго священника. Послѣдовательно пройдя весь длинный рядъ духовныхъ учебныхъ заведеній: училище, семинарію (кончилъ курсъ въ ней въ 1841 г.) — все это въ тверской епархіи, — Михайль Яковлевичъ, въ числѣ отличнѣйшихъ молодыхъ людей, переведенъ въ С.-Петербургскую духовную академію, гдѣ прекрасно окончилъ курсъ въ 1845 году, одновременно съ знаменитымъ дѣятелемъ въ рядахъ современнаго нашего духовенства о. Васильевымъ и нѣкоторыми другими. По окончаніи курса, о. Михайль Яковлевичъ опредѣленъ былъ бакалавромъ въ казанскую духовную академію, гдѣ въ 1846 — 1848 гг. на него, по тогдашнему обычаю, навалено было преподаваніе нѣсколькихъ предметовъ, а именно: нѣмецкаго языка, греческаго языка и гражданской русской исторіи. По выѣздѣ изъ казани Морощкина замѣнилъ въ академіи, — если только не ошибаемся, Г. З. Елисейевъ — извѣстный даровитый писатель и публицистъ. Михайль Яковлевичъ переведенъ 25 октября 1848 года въ Петербургъ, и здѣсь, 1-го декабря того же года, рукоположенъ въ священники въ Казанскій соборъ, на каковомъ посту несмѣнно и оставался до самой своей смерти.

Мѣсто это въ матеріальномъ отношеніи не особенно блестяще, но М. Я. былъ, какъ кажется, вполне имъ доволенъ: все его честолюбіе, вся его корысть обращалась въ сферу ученой дѣятельности: онъ жаждалъ стяжать знанія, — духъ его стремился постоянно къ научнымъ работамъ и онъ трудился неизмѣнно, упорно — въ тѣ еще годы, когда ученая дѣятельность вообще и духовныхъ лицъ въ особенности не вызывали ни особеннаго сочувствія, — ни особенной поддержки — и когда учеными трудами скорѣе можно было, особенно ему, священнику — повредить себѣ, — чѣмъ выдвинуться изъ толпы умовъ дюжинныхъ, изъ рядовыхъ служителей церкви.

Оно такъ и было. Морощкинъ, скоро замѣченный въ наукѣ, быстро приобрѣвшій себѣ необыкновенное уваженіе всѣхъ своихъ духовныхъ дѣтей, — въ числу которыхъ съ удовольствіемъ примыкали образованнѣйшія и наиболѣе извѣстныя въ столицѣ семейства, — оставался всю жизнь простымъ священникомъ. Начальство его не усматривало возможнымъ возвести его въ званіе протоіерея. А между тѣмъ, когда и въ среду нашего духовенства, касту тѣсно сомкнутую и остававшуюся до послѣднихъ почти дней въ чужбѣ, въ сторонѣ отъ преобразованій и улучшеній новѣйшаго времени — проніезъ наконецъ духъ самостоятельности, духъ прогресса, въ не опошленномъ смыслѣ этого слова, — въ комъ столичное, долженствующее быть передовымъ духовенство, въ комъ нашло оно дѣятелей подготовленныхъ, во всеоружіи знанія и пламенной любви къ развитію и улучшенію своей

среды, какъ не въ немногихъ молодыхъ іерейхъ! и въ числѣ этихъ-то немногихъ былъ самымъ замѣтнымъ о. М. Я. Морошкинъ! Перо и слово его притекли на помощь и службу его собратіямъ и трудно взвѣсить ту громадность потери, которую понесли они лишившись этого человѣка именно тогда, когда „воздуху“ становится все болѣе и болѣе для нашего духовенства, когда шире и шире раздвигается для него дорога для выхода почти изъ крѣпостного состоянія, въ которомъ оно пребывало до самаго почти начала истекшаго столѣтія!

Ученая и публицистическая дѣятельность о. Михаила Яковлевича была довольно обширна. Но она вышла изъ тиши кабинета только въ послѣдніе годы. Много статей и матеріаловъ разсѣяно имъ въ послѣдніе именно годы: въ „Православномъ Обзорѣніи“, въ „Духъ Христіанина“, въ „Извѣстіяхъ Археологическаго Общества“, „Русскомъ Архивѣ“ и въ разныхъ газетахъ, причемъ въ „Голосѣ“ ему принадлежитъ рядъ замѣчательнѣйшихъ статей о выборномъ началѣ церкви. „Русская Старина“ съ первыхъ дней своего возникновенія нашла въ о. Михаилѣ Яковлевичѣ самаго усерднаго сотрудника. Имъ сообщены были намъ нѣсколько интереснѣйшихъ матеріаловъ и замѣтокъ, изъ которыхъ нѣкоторые напечатаны во II, III и IV книгахъ нашего изданія, а другіе постепенно появляются въ послѣдующихъ выпускахъ „Русской Старины“. Но самыми капитальными трудами о. Морошкина были, какъ всѣмъ извѣстно: „Славянскій именословъ“ и „Исторія іезуитовъ въ Россіи, съ царствованія Екатерины II-й и до нашего времени“, ч. I, изд. 1867 г. Спб. (501 стр.) Тотъ и другой трудъ, къ чести академіи наукъ, не были ею замѣчены оба и увѣнчаны преміями. „Исторія іезуитовъ“ была главнымъ ученымъ трудомъ, которому Михаилъ Яковлевичъ въ послѣдніе годы посвящалъ всѣ свои досуги. Онъ предполагалъ ее написать въ четырехъ томахъ и довести до настоящихъ дней. II-й томъ былъ имъ совершенно оконченъ и имъ продержана почти вся его корректура. Замѣтимъ при этомъ, до чего не свободна была его ученая дѣятельность отъ „терній“ — а именно: онъ, имѣя полную возможность печатать свой трудъ безъ цензуры — провель II-й его томъ севозъ духовную и свѣтскую цензуры. „Авось подъ ихъ охраною, — говорилъ покойный, я останусь внѣ злобы и нападоу силъ тьмы“.

Работая съ увлеченіемъ, страстно влюбившись, если можно такъ выразиться, въ свой предметъ — о. Морошкинъ, какъ мы сказали, хотѣлъ довести изслѣдованіе до настоящихъ дней. Онъ предполагалъ разоблачить козни іезуитовъ въ русскомъ современномъ намъ обществѣ. Въ какой степени при этомъ о. М. Я. былъ правъ и въ какой мѣрѣ козни этихъ поборниковъ духа лжи и фанатизма

имѣютъ мѣсто въ современномъ намъ русскомъ, обществѣ — мы судить не беремся*).

Въ заключеніе приведемъ нѣсколько задушевныхъ строкъ — сообщенныхъ въ газету „Голосъ“ объ М. Я. Морошкинѣ однимъ изъ его, сколько намъ извѣстно, собратій и въ области науки, и въ общественной дѣятельности:

„При ученыхъ своихъ занятіяхъ о. Морошкинъ былъ живымъ общественнымъ дѣятелемъ: общество для пособія нуждающимся ученымъ и литераторамъ считало его не только своимъ дѣйствительнымъ членомъ, но и избрало его на текущее трехлѣтіе въ составъ своего комитета постояннымъ членомъ; въ славянскомъ благотворительномъ обществѣ о. Морошкинъ принималъ живое участіе. Его „Именованіе“ имѣлъ и имѣетъ значеніе не только въ русской наукѣ, но и въ сближеніи славянскихъ учоныхъ чрезъ посредство науки; поэтому, гости-славяне, бывшіе на извѣстномъ сѣздѣ, получили по экземпляру этого сочиненія, въ залогъ всегдашней связи съ русскими учеными. Но главная дѣятельность и большая часть жизни о. Морошкина была посвящена службѣ церкви. Въ той значительнѣйшей части духовенства петербургской епархіи, которая желаетъ и ищетъ средствъ къ обновленію церковно-общественной жизни въ епархіи, о. Морошкинъ пользовался глубокимъ уваженіемъ, значеніемъ и вліяніемъ. Административныхъ должностей въ епархіи онъ не занималъ: поэтому его дѣятельность въ епархіи выражалась не административнымъ путемъ, но общественнымъ. Въ 1863 году, когда столичному духовенству дозволены были собранія, духовенство избрало его своимъ предсѣдателемъ на этихъ собраніяхъ; съ учрежденіемъ епархіальныхъ сѣздовъ о. М. Я. Морошкина не разъ избирали депутатомъ сѣздовъ, затѣмъ и въ другія должности, къ замѣщенію которыхъ призывалось участіе духовенства. На отправленіе своихъ обязанностей въ должностяхъ онъ смотрѣлъ весьма серьезно: онъ всегда былъ непоколебимымъ представителемъ убѣжденій христіанской правды и пользы церковно-общественной, смѣлымъ и открытымъ противни-

---

*) Кромѣ названныхъ трудовъ о. Морошкинъ нѣсколько лѣтъ собиралъ матеріалы для исторіи русской церкви въ періодъ царствованія Николая I и извлекалъ ихъ не только изъ архивовъ и библиотекъ въ Россіи, но и за границею, гдѣ онъ входилъ въ непосредственныя сношенія съ профессорами и учеными, занимавшимися подобными работами. Трудъ собиранія матеріаловъ изъ этой эпохи возложенъ былъ на о. М. Я. по высочайшему повелѣнію, 1 марта 1857 года, въ видахъ содѣйствія барону М. А. Корфу въ его обширномъ трудѣ составленія исторіи царствованія императора Николая Павловича. Сверхъ того, о. Морошкинъ принималъ участіе въ составленіи сборниковъ разныхъ комиссій, напр. комисіи для описанія архива св. синода; съ 1858 г. М. Я. былъ членомъ-корреспондентомъ Археологическаго общества и проч.

комъ неправды. На всякую должность, въ которую его избирали, онъ смотрѣлъ не какъ на честь, выражаемую ему, а какъ на повинность, которую онъ долженъ былъ нести, какъ обязательный трудъ для общества. Вотъ почему о. Морошкинъ, даже и при отправленіи обязанностей, изрѣдка поручаемыхъ ему и епархіальною властью (напримѣръ, при ревизіи попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія), считалъ себя не вправѣ умалчивать о томъ, что скрывалось администраціею въ ущербъ обществу. Если въ большинствѣ общественной среды духовенства петербургской епархіи отводилось о. Морошкину всегда самое почетное мѣсто, то остальная часть, состоящая, по преимуществу, изъ чиновнаго духовенства, старалась временно и безвременно, прямыми и косвенными путями, причинять ему всевозможныя непріятности, которыя нерѣдко трогали о. Морошкина и тѣмъ содѣйствовали развитію болѣзни его (въ печени и легеняхъ), упорной и неподдававшейся никакимъ врачевнымъ средствамъ. Несмотря однакожь на противодѣйствія о. Морошкину въ благотворной его дѣятельности, послѣ него остались замѣтные слѣды въ литературѣ, наукѣ, въ церковной жизни петербургской епархіи и въ обществѣ. Имя о. Морошкина займетъ надлежащее мѣсто въ исторіи. Его біографія заслуживаетъ сдѣлаться предметомъ научной работы. Къ покойному обществу относилось весьма сочувственно. Сочувствіе это выражалось въ приходѣ, въ средѣ ученыхъ, литераторовъ, читающей публики и въ значительной части духовенства“.

Утромъ въ субботу, 18-го апрѣля, совершенно отпѣваніе о. М. Я. Морошкина въ казанскомъ соборѣ и затѣмъ погребеніе его на Волковскомъ кладбищѣ. Громадныя толпы народа почтили эту церемонію своимъ присутствіемъ. У гроба почившаго можно было видѣть множество лицъ принадлежащихъ къ числу представителей лучшаго русскаго общества. Здѣсь были ученые, литераторы, были государственные и общественные дѣятели. Наканунѣ выносъ тѣла покойнаго изъ дома въ казанскій соборъ также сопровождался многими тысячами народа. Площадь предъ соборомъ была полна и соборъ переполненъ. Предъ выносомъ, надъ гробомъ почившаго произнесъ рѣчь извѣстный нашъ русскій ученый, преподаватель философіи въ санкт-петербургскомъ университетѣ, почтенный о. Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ Сидонскій. Передаемъ здѣсь текстъ этой, исполненной искренности и глубокаго сочувствія къ умершему рѣчи, въ томъ видѣ, какъ она напечатана въ газетахъ:

„Одинъ отъ насъ, отцы и братія, одинъ изъ лучшихъ между нами отходить на покой вѣчный. И ему нуженъ былъ покой—конечно, по нашему суду, еще не этотъ вѣчный покой, въ который воспріемлетъ

его подвигоположникъ Богъ; повторяю, по нашему суду, ему нуженъ былъ покой тѣлесный, чтобъ по обновленіи силъ довершить не малое имъ предначатое для блага церкви, для пользы отечества. Но Отецъ свѣтовъ, поставивъ его на некраткій впрочемъ срокъ на значительной высотѣ священства свѣтитъ и освѣщаетъ, съялъ его съ земной высоты, чтобъ воспріять въ свѣтъ свой невечерній — съялъ его, конечно, какъ исполнившаго свое назначеніе, съ достаточною ревностью употребившаго въ дѣло свой талантъ, достойно послужившаго дѣлу просвѣщенія первоначально духовнаго юношества, послѣди словеснаго стада Христова. Богатаго дарованія его и трудолюбія достало и на то еще, чтобъ вывести на свѣтъ нѣсколько дѣяній мрачныхъ силъ Запада, чуждающихся свѣта, осуждающихъ себя на мракъ. Дерзновеніе его не остановилось и предъ явленіями нашего быта, которыя взоръ его находилъ ненормальными. И сколько было между нами лицъ, ему сочувствовавшихъ, лицъ, которыя ревнованію его обрадовались, какъ свѣту, если еще не оживляющему, не согрѣвающему, все-таки, достаточно для первой поры озаряющему! Само духовное начальство готово было подъ конецъ воспользоваться этимъ свѣтомъ; но тогда онъ уже видимо угасалъ, и покойный собратъ нашъ не могъ принять предложеніе заняться трудами въ качествѣ члена санктпетербургскаго комитета духовной цензуры. Въ потребное время онъ провелъ свой смѣлый цензурный штрихъ по нѣкоторымъ явленіямъ нашего духовнаго быта, и этому дерзновенію мы обязаны выборнымъ началомъ, которому далъ онъ и слово и проложилъ дорогу. Прямо въ нинѣхъ случаяхъ высказывалось это дерзновеніе; но безъ напора рѣдко прокладывается надежная дорога. Глубокое знакомство съ архивными тайнами временъ то давнихъ, то нами пережитыхъ, свѣтлый взглядъ, въ заграничныхъ путешествіяхъ изощренный наблюденіемъ надъ порядками выработанными въ странахъ свободныхъ, не могли не возбудить ту ревность и это беззавѣтное дерзновеніе... Нужно ли намъ пускаться въ похвалы почившему собрату? Время не явило еще главныхъ трудовъ, понесенныхъ имъ по уясненію церковныхъ событій тридцатилѣтняго предшествовавшаго царствованія. Величіе сего памятнаго времени пролетѣть, конечно, свой блескъ и на подвигъ потрудившагося надъ передачею его потомству собрата нашего. Дѣла и дѣянія каждаго отжившаго соплетаютъ ему въ посмертной памяти или вѣнецъ славы или терніе срама. Почившій братъ нашъ не посрамилъ ни своего сана, ни званія наставника и проповѣдника, ни своей литературной извѣстности. Да увѣнчаетъ же его подвигоположникъ Богъ вѣнцомъ чести и славы, которую самъ братъ себѣ уготовилъ! Намъ остается, какъ унаслѣдовавшимъ

плоды трудовъ его, молиться, да Господь мира дастъ ему въ селе-
ніяхъ вѣчныхъ область дѣятельности болѣе мирной, гдѣ рвеніе ду-
ховное не находитъ преградъ, гдѣ жизнь и дѣятельность не усту-
паютъ мѣста безсилію и смерти!"

На другой день похоронъ, въ засѣданіи Славянскаго Петербург-
скаго Комитета одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ его членовъ А. Б. Ива-
ничей сказалъ полную силу и увлеченія рѣчь въ память опочив-
шаго члена комитета о. М. Я. Морошкина. Ораторъ указалъ именно
на то, что покойный труженикъ, независимо отъ своихъ заслугъ въ
церкви и литературѣ, посвящалъ часть своихъ многообъемлющихъ
трудовъ славянской науцѣ и въ изданномъ имъ „Славянскомъ Име-
нословѣ“ оставилъ памятникъ своей глубокой учености въ области
славянства. Собраніе, выслушавъ съ глубокимъ сочувствіемъ ова-
ченную рѣчь, выразило единодушную скорбь о преждевременной
утратѣ этого достойнаго подвижника.

Въ заключеніе нашей замѣтки пожелаемъ, чтобы почтенные братья
и супруга покойнаго—озаботились сохраненіемъ всѣхъ рукописей о.
М. Я. Морошкина, и, по надлежащемъ разсмотрѣніи ихъ, поспѣшили
издать II-ю часть его „Исторіи Іезуитовъ“, а въ историческія по-
временныя изданія размѣстили бы, въ ближайшемъ времени, собран-
ные имъ матеріалы. Мы съ своей стороны съ полною готовностью
помѣстимъ на страницахъ „Русской Старины“ какъ матеріалы изъ
собранія о. М. Я., такъ и данныя для его жизнеописанія, какъ-то:
воспоминанія о немъ, письма, замѣтки и т. п.

Лангъ. Позье въ запискахъ своихъ („Русск. Старина“ стр. 41—127),
какъ уже замѣчено было нами въ предисловіи къ нимъ, нерѣдко пу-
таетъ и искажаетъ фамиліи тѣхъ дѣятелей, которыхъ онъ встрѣчалъ,
зналъ или о которыхъ слышалъ во время пребыванія своего въ Рос-
сіи. Это обстоятельство легко объясняется тѣмъ, что Позье писалъ
свои воспоминанія въ старости, на родинѣ, вдали отъ Россіи, и пи-
салъ по памяти, не затрудняя себя особыми справками. Ошибки его,
большею частью, нами оговорены въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ и
имена восстановлены въ настоящемъ ихъ видѣ. Дополняемъ эти по-
правки еще нѣкоторыми. Упоминаемаго Позье („Русск. Стар.“ стр.
57 и 59) посланника въ Китаѣ Делана или Делянова не было, а
былъ Лоренцъ Лангъ, русскій агентъ въ Китаѣ и потомъ Иркут-
скій вице-губернаторъ. Вотъ что мы находимъ о немъ, между про-
чимъ, въ „Словарѣ русскихъ свѣтскихъ писателей“ митрополита Ев-
генія (М. 1845 г. т. II, стр. 3): Лангъ (Лаврентій), родомъ шведъ,

былъ секретаремъ русскаго посольства въ Китаѣ въ 1719 г., оставленъ тамъ агентомъ на 1721 и 1722 гг.; затѣмъ былъ онъ тамъ съ караванами въ 1727 и 1735 годахъ. Лангомъ изданъ въ 1726 г., въ Лейденѣ, интересный журналъ пребыванія его въ Пекинѣ: „Journal de la résidence du Sieur Lange, agent de la Majesté Impériale de la grande Russie à la cour de la Chine, dans les années 1721 — 1722“.

Генераль-лейтенантъ Каннабихъ. Во II кн. „Русская Старина“ (стр. 134—136) помѣщено письмо императора Александра Павловича по поводу жестокостей, которыя дозволять себѣ Каннабихъ, живя въ своихъ помѣстьяхъ. Вотъ что рассказывалъ покойный ученый Штукенбергъ о томъ, какъ Каннабихъ сдѣлался помѣщикомъ. Онъ былъ изъ числа гатчинскихъ служаеъ Павла Петровича, когда тотъ былъ еще великимъ княземъ. По воцареніи Павла Каннабихъ сдѣланъ былъ его адъютантомъ. Однажды, на парадѣ, государь передалъ ему какое-то словесное приказаніе и Каннабихъ стремглавъ полетѣлъ исполнять его, причеиъ у него свалилась съ головы неуклюжая треуголка.

— Каннабихъ, Каннабихъ! — закричалъ императоръ: шляпу потерялъ!

„Голова тутъ, ваше императорское величество!“ отвѣчалъ продолжая скакать какъ сумасшедшій Каннабихъ.

— Дать ему тысячу душъ крестьянъ — воскликнулъ императоръ Павелъ.

О жестокостяхъ Каннабиха извѣстны цѣлыя легенды.

М е л о ч и.

Шарады. Извлекаемъ нѣсколько шарадъ изъ объемистаго рукописнаго сборника двадцатыхъ годовъ текущаго столѣтія; въ этомъ сборникѣ, сообщенномъ Петромъ Павловичемъ Зуевымъ, находится болѣе двухъ-сотъ шарадъ.

- 1) Часть первую мою досель вмѣщалъ букварь
Вторую же рѣку имѣетъ русскій царь
Я, цѣлое, въ водѣ, но я воды не знаю
До тѣхъ поръ въ заперти у матери бываю
Докогда бѣдную до смерти не убьютъ.
Тогда другой мнѣ свѣтъ, другой мнѣ и пріютъ.
Утробу я одну едва съ трудомъ оставлю,
Утробамъ ужъ другимъ меня готовятъ въ травлѣ
И съ жадностію всѣ мной набиваютъ ротъ.
Когда же кто меня прочтетъ наоборотъ

И далѣ итти захочеть
 По лавкамъ, по перевамъ,
 По древнимъ капищамъ и погребамъ,
 Гдѣ эхо воетъ и хохочеть
 Тотъ снова встрѣтится со мной—
 За мной, которая у всѣхъ людей бываетъ,
 А безъ меня изъ нихъ едва-ль кто не хромаеть,
 Когдажъ смѣшаешь ты всѣ буквы до одной,
 То много новаго явится предъ тобой:
 Животныя, рѣва
 И городъ въ Африкѣ извѣстный
 И нищій, и бова,
 Царь въ Персїи чудесный
 И самый вертоградъ небесный.

(Икра *).

- 2) Коль пальцы на рукахъ умѣете сочестъ,
 То первое мое должны вы произнести;
 Второе — буква есть изъ самыхъ старомодныхъ,
 А цѣлмй — празднество для бабъ и дѣвъ дорожныхъ.

(Семикъ).

- 3) Гдѣ пѣвчіе поютъ, тамъ первый слогъ бываетъ;
 Второй не только насъ, но и скотовъ кусаетъ.
 А цѣлмй въ деревьяхъ крестьянъ всѣхъ утѣшаетъ.

(Хороводъ).

- 4) Во всякомъ городѣ ты первое найдешь.
 Когда же гласную на память приведешь
 И къ ней приложишь то, что слышится въ ущельяхъ,
 Или у монаховъ Соловеевскихъ, въ кельяхъ,
 Тогда передъ тобой предстанетъ цѣлмй мой.
 Не дай Богъ встрѣтиться ночью съ нимъ порой!

(Домовой).

- 5) Въ глѣсу растетъ начало
 И дерево не очень мало,
 А въ азбукѣ конецъ.
 Отъ цѣлаго спаси Творецъ!

(Дубъе).

- 6) Слогъ первый въ азбукѣ французской
 Находится теперь и въ русской;
 Второе городъ есть, и городъ не простой,
 И по торговлѣ онъ богатой, золотой.
 А если города иному неизвѣстны
 И изъ деревни онъ своей не выѣзжалъ,
 Не знаетъ городъ гдѣ находится прелестный,
 Что нужды? Онъ въ своей деревнѣ тожь видалъ.
 А цѣлое: однимъ служилъ въ позоръ невольный,
 Другимъ же дуракамъ — за опытъ произвольный.

(Верига).

*) Напомнимъ, что рѣва Волга въ древности именовалась «Ра».

- 7) Начальное бѣда! свидѣтель память наша,
 Какъ въ матушкѣ Москвѣ варилаась смертна каша;
 Второе же мое, согласія есть знакъ,
 А цѣлое всегда бываетъ у собакъ.

(Морда).

- 8) Приятно первое пить въ лѣтній вечерокъ,
 Съ другимъ же въ азбукѣ славянской повидаться,
 Отъ цѣлыхъ получить легко колотье въ божеъ,
 Коль съ ними вамъ въ лѣсу случится повстрѣчаться.

(Медвѣдь).

- 9) Кто ходитъ безъ чулокъ, въ томъ первый слогъ найдется.
 Второе въ музыкѣ всегда уже ведется,
 А цѣлое мое — занятіе гостей.
 Маверу угощать нельзя смыскаъ простѣй.

(Бостонъ).

О запискахъ А. Т. Болотова. Въ настоящемъ томѣ помѣщено три первыхъ части записокъ Болотова и половина четвертой. Эти части были, какъ мы замѣтили въ предисловіи къ жизнеописанію Болотова, напечатаны впервые въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1850 г. т.т. 69—71; но достойно замѣчанія, что требованія тогдашней цензуры были до того придирчивы и мелочны, что въ первыхъ трехъ частяхъ, независимо отъ многочисленныхъ искаженій отдѣльныхъ словъ и цѣлыхъ выраженій, совершенно выкинуто 2549 строкъ подлинной рукописи Болотова, какъ это оказывается при тщательномъ ея сличеніи съ тѣмъ, что появилось въ то время въ печати. Нечего и говорить, что всѣ эти пропуски, большею частью весьма невинные, восстановлены въ нашемъ изданіи и въ немъ не выпускается ни единого слова противъ автографа записокъ.

